

БЫЛ ЮН РАССВЕТ

Был юн Рассвет. И строен. И высок.
Забавы ради – целился в висок
небесным несозревшим мандарином.

И накалялся красный мандарин.
Вываливались Старцы из картин,
отряхивая бороды и нимбы...

И я шептала: больше не грешу!
Не пью одна, не вешаю лапшу,
не дохну всуе, честно – НЕ ПИШУ...

Я в шесть утра на кухне – ВЫПИТЬ ЧАЮ.

Да потому что холодно!.. Зима...
(«Назол» – от носа, горе – от ума,
ключи от рая, крышка – от кастрюли...)

И уходили Старцы в Никуда.
В горячей кружке плавала звезда...
И выпадали буковок стада
из дырки от попавшей метко пули.

МНЕ ХОРОШО

Мне хорошо на дне моей реки.
Мне кислород уже и – ах! – не нужен.
Не нужен завтрак. И обед – не нужен.
Тем более – такси, свиданье, ужин,
дежурный трах... И даже плавники

здесь не нужней, чем хобот – попугаю,
спине – асфальт, а паруса – трамваю.
Мне хорошо на дне моей реки.

И не пытайтесь, глядя в глубину,
взывать надрывно к совести утопшей,
и топтать нервно ножкою продрогшей,
бубнить чего-то... (что-то – про весну)
и палкой бить прибрежную волну.

Простите мне мой рыхлый вид намокший
(но как прекрасны эти пузырьки!..).
Мне хорошо на дне моей реки.

Поверьте – мне ни капельки не жаль
остаться здесь в компании предметов,
когда-то утонувших: пистолетов,
свершивших преступления, коньков,
ржавеющих на теле конькобежца,
пустых бутылок, рваных кошельков,
дырявых разноплановых носков

и ключиков от сломанного сердца,
машины, сейфа, дома, гаража,
под печень залезавшего ножа,
изрезанных кусков какой-то ткани
и мячика, ушедшего – от Тани.

Мы все лежим, болтая и шутя,
на дне в небытие переходя,
подвержены метаморфозе дивной...

Не мучают ни сплин, ни каблуки –
мне хорошо на дне моей реки!

А вам пора – у Вас поет мобильный.

...И МОРЕ ОТКАЗАЛОСЬ ОТ МЕНЯ

...И Море отказалось от меня,
отхлынув так спокойно и красиво.
И был четверг. И небо цвета сливы.
И полночь. И пустая болтовня
в таком веселом радиоэфире,
где о кефире, гире и сортире.

И не было пустынной места в мире,
где Море отказалось от меня.

Ведь Море – отказалось от меня.
И задыхались синие киты
на берегах – трагично и статично.
И шел трамвай – трамвайно так звеня.
И говорил кондуктор: «Неприлично
бледны Вы... Но – сезон... Симптоматично».
И жалкое «Спасибо. Все отлично!» –
конечностями резво семеня,
срывалось с губ.
До боли непривычно
вдруг понимать, что Морю – безразлично.
Ведь Море – отказалось от меня.

И Нежный Друг, порвав от страсти лиф
и теребя упрямые застёжки,
расстроен был и удивлен немножко
(он раньше думал, что русалки – миф),
вдруг обнаружив под красивой тканью
не пары ног хмельное трепетание,
не жажду ласк, касанья и пронзания,
а очень стройный, но – русалий хвост...

И, избегая потерять сознание,
присвистнув тихо, молвив «Западня...»,
ушел в окошко, «дернув» «на коня».

А я в песках раздетая осталась.
Я от тоски в русалку превращалась.

Ведь Море отказалось от меня.